

СЯРГЕЙ КАНДРЫЧЫН,

кандидат социологических наук, врач-кардиолог 1-й городской клинической больницы Минска (Беларусь)

Дифференциация социального пространства Украины и Беларуси как эффект “столкновения цивилизаций”

Abstract

*The purpose of given comparative-regional analysis is to identify and to describe the steady social and mental structures, based on the mechanisms of *longue durée* (F.Braudel) functioning in the historical boundaries of civilization areals. The other relevant in this discussion framemork approach is based upon P.Bourdieu's conclusions about creative features of social space.*

he East-West social space differentiation on the territory of Ukraine and Belarus may be considered as a result of historical interaction between two different civilizations: the European that has been spread its influence from the West and the Russian Orthodox advanced from the East. Our findings show that manifestation of the East-West spatial polarity appears to be associated with historical changes occurred in Eastern Europe during the second half of the 20th century.

The paper analyzes a scope of social, demographic and cultural differentiation with regard to historical division of both countries in this context.

The main groups of regional variables/indices, such as: socio-political (electoral preferences, religious practices etc.), socio-demographic (divorces, extramarital children), medical-social (i.e. social illnesses: tuberculosis, syphilis, AIDS etc.) are copared. The results indicate at a statistically meaningful polarity between both countries' Eastern and Western regions in these characteristics distribution, while the Central region take up an intermediate position.

So, our analyzes provides evidence of long historical frames existence determining specific regional characteristics transmitted across generations.

Историческая судьба Беларуси и Украины определила существование в их пределах устойчивых различий между восточными и западными территориями. Поляризация социального пространства обеих стран — результат столкновения двух цивилизаций: западной (латинской) и восточной (пра-

вославной или русской) [подр. см.: 1–4]. Границы сфер влияния со стороны Запада и Востока неоднократно менялись в ходе истории, что привело к формированию специфических регионов, наделенных своеобразием социальной организации и отличительными характеристиками ментальности. Исторически обусловленная дифференциация социального пространства проявляется в комплексе региональных характеристик, который включает не только широко известные показатели религиозной и политической жизни, но и ряд социальных региональных параметров, в частности социодемографических, медико-социальных и т.п. Иными словами, примеры регионального деления Беларуси и Украины демонстрируют, каким образом в рамках прежде существовавших цивилизационных ареалов продолжают функционировать существенно различимые социальные общности. И степень этого отличия не убывает. Различия сохранялись и в период коммунистического правления, но особенно отчетливо проявились после обретения государственной независимости в 1991 году.

Целью представленного сравнительно-регионального анализа является описание содержания и характера действия в географическом пространстве Украины и Беларуси устойчивых, долговременных социальных и ментальных структур, механизмов *longue durée*, которые согласно концепции Броделя функционируют в исторических рамках цивилизационных ареалов [см.: 4–6]. Формирование устойчивых региональных отличий связано с действием исторической травмы, причем в рассматриваемом случае с исторической травмой следует соотносить и само территориальное деление между сферами влияния двух цивилизаций, и отдельные этапы исторического процесса, в рамках которых происходило изменение границ.

Кроме этого, плодотворным для данной дискуссии представляется обращение к выводам П.Бурдые о креативных характеристиках социального пространства. Прежде всего, используя понятие “габитус” как региональную (популяционную) и вместе с тем историческую (эволюционную) характеристику, которая одновременно и запечатлевает, и обуславливает, в исторически предопределенных рамках, особый ход и проявление отличительных форм регионального развития. Бурдые представлял его как регулируемый процесс исторической импровизации [7]. Сравнение комплекса региональных показателей в некотором историческом промежутке дает возможность продемонстрировать, каким образом история осуществляет “регулируемую импровизацию” в процессе формирования специфического социального пространства восточной части Европы.

Начальным моментом или пунктом бифуркации в развитии двух современных цивилизаций на европейском континенте Ф.Бродель, с определенными оговорками, относил к моменту раскола Римской империи на западную и восточную части [3; 4]. Волею исторических судеб в эпоху Средневековья граница влияния двух цивилизаций переместилась на восточные территории Европы. Однако линия этой границы не отличалась постоянством. На ранних этапах она имела только условный характер, а в период политического оформления государственности неоднократно менялась. В последние три столетия эта граница преимущественно смещалась в западном направлении (следует, однако, отметить условность этой оценки, поскольку цивилизационное влияние распространяется и вне зависимости от политических границ между государствами). Для Беларуси и Украины такое пере-

мещение сфер влияния двух цивилизаций наиболее существенным образом запечатлелось в двух датах:

- 1772 год — начало раздела Речи Посполитой и последующее включение Беларуси и правобережной Украины (1793) в состав Российской империи;
- 1939 год — начало Второй мировой войны и присоединение западных территорий Беларуси и Украины к СССР.

В контексте данной работы необходимо отметить, что оба случая изменения линии государственной границы не сопровождалось массовым перемещением населения из присоединенных регионов. Это означает, что большие группы коренного населения очутились не только в другом государстве, но и в сфере влияния иной цивилизации¹.

Противоположный по своим историческим и демографическим последствиям пример являет собой процесс изменения границ Российской империи в южном направлении. Территории, присоединенные в результате войны с Османской империей, заселялись выходцами из центральных областей России и Украины. Иными словами, в этом случае изменение государственных границ сопровождалось потоками исторической миграции славянского населения.

В данном исследовании содержание социального пространства оценивается по набору региональных показателей. Различие региональных показателей (не только отдельно взятых, но и целых групп) служит основанием для оценки структурных особенностей социального пространства регионов. Рассматриваемые региональные показатели можно разделить на следующие группы: общественно-политические (электоральные показатели и показатели религиозной жизни), социодемографические (разводы, доля рожденных вне брака) и медико-социальные (показатели социальных болезней: туберкулез, сифилис и др.). Причем более подробно рассматривались показатели двух последних групп — как наименее изученные в социоисторическом аспекте.

В работе использованы данные официальной государственной статистики, представленные в регулярных изданиях Государственного комитета статистики Украины, Центральной избирательной комиссии Украины, Министерства здравоохранения Украины, Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь, Министерства здравоохранения Республики Беларусь. По отдельным годам использовались данные годовых статистических отчетов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь и областных комитетах статистики по Минской и Витебской областям.

В качестве отправного момента были выбраны сравнительные данные за 1993–1994 годы. Это был период начала социально-экономической транс-

¹ По материалам переписи населения СССР в 1979 году (то есть через 40 лет после присоединения западных регионов Беларуси к СССР) коренное население западных регионов (автохтоны) составляло более 2/3. Выселению либо уничтожению подверглась преимущественно национальная и духовная элита как реальные и потенциальные враги новой власти. Их место занимали советские специалисты, однако доля коренного населения существенно не менялась. Тут же отметим, что в послевоенный период в Беларуси и Украине наиболее значимым типом миграции была внутриобластная миграция, составлявшая до 70% общего миграционного потока.

формации бывших советских республик, когда начали проявляться значимые различия по многим региональным показателям социальной сферы и набор публикуемых данных стал наиболее полным. Кроме того, для отдельных показателей использовано сравнение по максимально доступным временным промежуткам: для данных электоральной статистики (по регионам Украины) и по некоторым социодемографическим показателям (по регионам Беларуси). Следует подчеркнуть, что методика использования статистического материала в рамках концепции *longue durée* изначально предполагает относительную произвольность в выборе временных рамок анализа. Гораздо важнее тут широта и доступность исследуемого материала. Это положение неоднократно находило подтверждение в ходе настоящего исследования.

В методологическом плане использовано понятие исторической границы. Сопоставление характеристик социального пространства групп регионов Беларуси и Украины и оценка их различий проводились относительно границы 1939 года. Для Украины были использованы также данные о региональном делении относительно границы 1793 года.

Характер современного административного деления Беларуси и Украины предоставляет возможность проведения сравнительных региональных исследований в историческом аспекте. На территории Украины можно выделить три исторические группы регионов, которые почти целиком включают три соответствующие группы областей:

- восточная — объединяет 13 областей Левобережной Украины и южные регионы страны, включая Крым. На этой территории наиболее выражено влияние православной (русской) цивилизации;
- центральная — включает 5 правобережных областей в центре страны; до 1793 года эта территория входила в состав Речи Посполитой (данные по Киеву не включены в исследование);
- западная — состоит из 7 областей, территория которых до 1939 года находилась в составе Польши (5 областей), Чехословакии и Румынии (по одной области), а в XIX и начале XX столетия большая часть этой территории входила в состав Австро-Венгерской империи.

Сравнительный региональный анализ следует начать именно с Украины, поскольку пример дифференциации социального пространства этой страны можно отнести к наиболее известным проявлениям действия исторического фактора в современном поле общественной жизни [2; 8–12].

В наиболее обобщенном варианте характер распределения социальных и демографических показателей в соответствии с указанным выше историческим делением регионов представлен в таблице 1 (стоит отметить, что в статье используются средние показатели для групп областей).

Полученные данные указывают на полярность в распределении социальных и демографических показателей для восточной и западной групп регионов. При этом показатели центральной группы регионов чаще имеют промежуточное значение.

Результаты ранее проведенных исследований позволяют предполагать, что подобное различие показателей отражает социокультурную специфику отдельных групп регионов [10–14]; причем рассматриваемые региональные особенности, вероятно, распространяются на различные возрастные группы и слои общества, а не обусловлены своеобразием композиционных характеристик и демографической структуры населения (более подробно это

предположение будет обсуждаться далее). Для примера в таблицу 1 были внесены данные отдельно для городского и сельского населения о числе случаев рождений вне брака.

Таблица 1

**Социальные показатели (среднее значение)
трех исторических регионов Украины**

Показатели	Западный (часть Польши, Чехословакии, Румынии до 1939 года)	Центральный (территория Речи Поспо- литой до 1793 года)	Восточный (сфера истори- ческой домина- ции России)
Количество областей	7	5	13
Разводы (на 1000 населения)	2,6	3,6	4,8
Рожденные вне брака, %, 1993 год	6,9	11,5	14,4
В том числе:			
– среди городского населения	7,3	10,2	13,3
– среди сельского населения	6,6	13,2	16,7
Убийства (на 100 000 населения), 1993 год	5,3	7,3	14,3
Случаи алкоголизма (на 10 000 на- селения), 1993 год	105,0	148,8	149,1
Случаи наркомании (на 10 000 на- селения), 1993 год	2,3	3,2	7,4
Смертность среди мужчин (евро- пейский стандарт), 1993 год	16,4	17,8	18,9
Заболееваемость сифилисом (на 100 000 населения), 1993 год	26,6	20,2	39,9
Заболееваемость туберкулезом (на 100 000 населения), 2000 год	55,0	56,2	64,8
ВИЧ-инфицированные (на 100 000 населения), 2002 год	4,3	11,3	18,8
Голоса в поддержку кандидата от левых сил на президентских выбо- рах, %, 1994 год	13,9	41,5	69,2
Явка на выборы, %, 1994 год	85,1	82,1	74,0
Верующие, %, 1998 год	60,5	33,2	12,1

Примечания:

По всем приведенным показателям различие между восточной и западной группами регионов статистически значимо (*t*-test, $p < 0,05$).

Данные по Киеву исключены из анализа; Крым включен в группу восточных областей.

Оценивая распределение комплекса показателей, можно говорить о том, что проявления социальной патологии более выражены в восточных регионах страны.

Отличительной характеристикой советского периода являлась относительная однородность регионов Украины (как и Беларуси) по уровню благосостояния населения (в значимой степени это явление сохраняется и поныне). Несомненно, такое утверждение требует уточнений. Так, особый ста-

тус имеют столичные города Киев и Минск, которые в силу этого исключены из сравнительного анализа. Более детальный анализ мог бы выявить различия внутри отдельных регионов (кроме известных отличий между городом и селом). Однако, судя по таким официальным показателям, как доход на душу населения, прожиточный минимум и удельный вес населения, живущего ниже уровня бедности, нет оснований говорить о том, что более высокий уровень социальной патологии в восточных регионах обусловлен экономическими причинами. Учитывая, что по мере развития новых экономических отношений межрегиональные различия, обусловленные влиянием экономических причин, могут нарастать, сравнительный анализ проводился на начальном этапе социально-экономической трансформации.

Следует сказать, что нас интересует явление устойчивости в распределении региональных характеристик, только тогда можно говорить о существовании структур истории или проявлениях *longue durée*. Правомочен вопрос, наблюдались ли подобные проявления региональной зональности в другие исторические периоды? Несмотря на очевидные ограничения в доступности данных, ответ здесь будет скорее положительным. Более подробно (в допустимом объеме) характер распределения региональных показателей во временном аспекте будет рассмотрен на примере Беларуси, однако и пример Украины предоставляет достаточно убедительные данные в пользу подобного суждения. К тому же в научной литературе уже были представлены данные о существовании в советский период отличий по ряду социодемографических показателей между регионами Украины [15].

Но прежде всего привлекает внимание устойчивость региональных отличий в политической сфере. Об этом свидетельствуют серийные данные электоральной статистики (см.: табл. 2, 3).

В контексте рассмотрения границ цивилизационных ареалов особенности политических симпатий регионов Украины выглядят вполне закономерно. Восточные регионы демонстрируют приверженность к пророссийской политике и поддержку компартии, тогда как на западе очевидно доминирование национальных и демократически ориентированных сил. Центральный регион занимает промежуточное положение в этом геополитическом раскладе.

В том же историческом ракурсе интересным представляется и устойчивый характер распределения показателя активности избирателей; в западных регионах он традиционно выше. Отметим, что активность избирателей считается одним из критериев развития гражданского общества [16], однако в стране, где еще сильны проявления тоталитаризма, однозначная оценка этого показателя неправомерна.

В наиболее обобщенном виде представленные данные свидетельствуют об относительной устойчивости региональных различий политического поля Украины в границах влияния различных цивилизаций. Устойчивость региональных характеристик электорального поведения заставляет думать о существовании специфических отличий социальной организации и форм ментальности исторических регионов Украины. Вместе с тем можно полагать, что в исторических границах различных цивилизационных сфер сформировались и продолжают действовать отличительные базовые социальные и ментальные формы, задающие определенные рамки процессу формирования социального пространства. Эти различия проявляются в ряде социальных показателей, в том числе и в показателях политической сферы.

**Характер электоральных предпочтений трех исторических регионов
Украины (указаны средние значения)**

Показатели	Западный (часть Польши, Чехословакии, Румынии до 1939 года)	Центральный (территория Речи Поспо- литой до 1793 года)	Восточный (сфера истори- ческой домини- ции России)
Количество областей	7	5	13
Выборы в Государственную Думу Российской империи 1905–1907 годов	Большая часть не входила в состав Россий- ской империи	Менее выраже- на поддержка большевиков и левых полити- ческих сил	Значительная поддержка большевиков и левых полити- ческих сил
Голоса против независимости Укра- ины на референдуме 1991 года, %	2,4	3,0	10,6
Голоса в поддержку кандидата ле- вых сил на президентских выборах 1994 года, %	13,9	41,5	69,2
Голоса за Компартию Украины на парламентских выборах 1998 года, %	7,6	21,8	32,6
Голоса за Компартию Украины на парламентских выборах 2002 года, %	4,4	13,6	27,7
Голоса за Януковича на президент- ских выборах 2004 года, %	10,5	17,8	57,9
Голоса за «Партию регионов» (Яну- ковича) на парламентских выборах 2006 года, %	7,2	11,3	42,9

Примечания:

Использованы результаты исследования, опубликованные в: [9].

По всем приведенным показателям различие между восточной и западной группами регионов статистически значимо (t -test, $p < 0,001$).

Пример Беларуси предоставляет дополнительные доводы в пользу сформулированной выше гипотезы. Долговременные проявления противоборства двух цивилизаций нашли отражение в специфике социального пространства этой страны. В силу определенных исторических условий формирование социального пространства Беларуси имеет свои отличительные особенности (что подчеркивает ценность межнационального сопоставления).

Для реализации сравнительного исследования прежде всего представляет интерес специфика исторического деления территории страны.

До 1772 года вся территория современной Беларуси входила в состав Речи Посполитой. После раздела Польши Беларусь вошла в состав Российской империи. Последним историческим разделом страны, то есть наиболее поздней “исторической травмой”, следует считать существование на ее территории границы между СССР и Польшей, которая просуществовала до начала Второй мировой войны.

Таблица 3

**Активность избирателей (указаны средние значения)
по трем историческим регионам Украины, % явки**

Показатели	Западный (часть Польши, Чехословакии, Румынии до 1939 года)	Центральный (территория Речи Посполитой до 1793 года)	Восточный (сфера истори- ческой домина- ции России)
Количество областей	7	5	13
Президентские выборы 1994 года*	85,1	82,1	74,0
Президентские выборы 1999 года	74,9	75,8	69,1
Общенациональный референдум 2000 года*	85,6	75,3	77,2
Парламентские выборы 2002 года*	71,1	69,7	64,0
Президентские выборы 2004 года	80,6	76,9	74,7
Парламентские выборы 2006 года*	63,1	59,1	57,0

Примечания:

По отмеченным (*) показателям различие между восточной и западной группами регионов статистически значимо (t -test, $p < 0,05$).

Две западные области — Брестская и Гродненская — и две восточные — Гомельская и Могилевская — до 1939 года в целом находились по разные стороны польско-советской границы. Поэтому настоящее сопоставление показателей двух западных и двух восточных областей Беларуси может отражать долгосрочные последствия прежнего политического деления.

Территория двух остальных областей Беларуси — Минской и Витебской — до 1939 года была разделена линией государственной границы: 13 районов этих областей относились к западной части, а 23 — к восточной. Причем современные административные границы районов преимущественно отражают линию прежней границы (так как каждый из районов в своих настоящих границах почти целиком находился по одну из ее сторон). Поэтому в отношении Беларуси сравнительный анализ может быть выполнен на уровне как областного, так и районного деления (внутри двух отдельных областей).

Следует отметить, что линия границы 1939 года была использована как методологический инструмент, позволяющий более или менее успешно оперировать соответствующими характеристиками социального пространства и выявить общие закономерности их распределения. В то же время исторические механизмы, которые обуславливают региональную дифференциацию, действуют независимо от хронологии существования границы, она лишь придала им соответствующую географическую форму. Повторю, что эта форма исторически изменчива и аналогичные геоисторические проявления и их исторический фундамент были видны уже раньше (Смолич, 1919) [см.: 17].

В силу нескольких причин исторического, национального и географического характера поляризация восточных и западных регионов Беларуси не такая бросающаяся, как поляризация регионов Украины. Например, Хантингтон в рамках геополитического анализа считал целесообразным Беларусь целиком рассматривать в одном цивилизационном поле с Россией [2]. Тем

не менее даже предварительные результаты регионального сравнения опровергают однозначность такого суждения.

По аналогии с таблицей 1 в обобщенном варианте представлен характер дифференциации социальных показателей двух западных и двух восточных областей Беларуси и в таблице 4.

Таблица 4

**Социальные показатели западных и восточных областей Беларуси
(деление относительно линии границы 1939 года)**

Показатели	Западные области		Восточные области	
	Брестская	Гродненская	Гомельская	Могилевская
Население, млн	1,52	1,22	1,59	1,26
Городское население, %, 1939 год	60,4	61,0	67,6	68,8
Разводы (на 1000 населения), 1939 год	3,1	3,1	4,8	4,4
Рожденные вне брака, %, 1939 год	7,2	5,7	13,3	13,9
В том числе:				
– среди городского населения	6,9	5,5	12,3	11,6
– среди сельского населения	7,8	6,1	15,7	19,3
Убийства (на 100 000 населения), 1939 год	8,7	8,4	9,4	11,6
Заболееваемость сифилисом (на 100 000 населения), 1939 год	21,5	11,8	33,6	60,5
Дети-сироты в возрасте до 18 лет, %, 1939 год	0,29	0,40	0,53	0,50
Заболееваемость туберкулезом (на 100 000 человек) среди городского населения, 1993 год	122	124	196	154
Заболееваемость туберкулезом (на 100 000 человек) среди сельского населения, 1993 год	173	197	250	281
Преступность (на 10 000 населения), 1993 год	50	67	121	117
Религиозные общины (количество), 1996 год	550	400	227	146
Голоса на референдуме против сохранения СССР, %, 1991 год	15,1	19,0	9,3	11,5
Голоса на президентских выборах за кандидатов демократической оппозиции, %, 1994 год	20,4	30,8	14,5	8,5

Можно сформулировать предварительные результаты сравнительного анализа:

- 1) на территории Беларуси, как и на территории Украины, существуют заметные отличия социальных и демографических показателей между западными и восточными регионами;

- 2) эти различия имеют комплексный характер и охватывают разнородные социополитические, демографические и медико-социальные показатели;
- 3) по своим абсолютным значениям ряд социодемографических показателей (частота разводов, доля рожденных вне брака в городской и сельской местности) в западных и восточных регионах Беларуси сопоставимы со средними значениями показателей соответствующих групп регионов Украины. Такое соответствие служит косвенным доказательством общности социальных процессов в восточных и западных регионах обеих стран.

На примере двух областей Беларуси — Минской и Витебской — можно наблюдать также проявления исторически обусловленной социальной дифференциации на более низком уровне территориального деления, то есть на уровне районов. Это означает, что историческая граница 1939 года сохраняет свои довольно четкие очертания и на фоне характеристик групп районов.

Процедура группирования данных по 43 районам Минской и Витебской областей, выполненная методом факторного анализа с ротацией *varimax*, позволила выделить три группы факторов (табл. 5).

Таблица 5

Результаты факторного анализа с *varimax* ротацией для 43 районов Минской и Витебской областей (указана нагрузка > 0,40), 2000 год

Показатели/Факторы	1	2	3
Средний возраст			-0,62
Уровень безработицы, %			0,59
Голоса за кандидатов демократической оппозиции на президентских выборах 1994 года, %	-0,93		
Количество религиозных общин (на 100 000 населения)	-0,77		
Заболееваемость сифилисом (на 100 000 человек)	0,54		0,49
Рожденные вне брака, %	0,81		
Доля сельского населения, %		0,88	
Западные районы	-0,87		
Браки (на 1000 населения)		0,91	
Разводы (на 1000 населения)	0,42	0,79	
Летальные отравления алкоголем (на 100 000 населения)			0,76
Самоубийства (на 100 000 населения)		0,66	
Убийства (на 100 000 населения)	0,68		

Первый фактор непосредственно связан с региональным делением Восток–Запад и обуславливает 30,4% вариации. Он объединяет принадлежность района к западной группе с более высокими показателями религиозности, поддержкой кандидатов от демократической оппозиции и с показателями (взятыми с противоположным знаком) разводов, убийств, заболеваемости сифилисом и удельного веса детей, рожденных вне брака.

Второй фактор, “урбанистический” (23,0% вариации), объединяет процент сельского населения в регионе с числом браков и разводов и с показателем (с противоположным знаком) самоубийств.

Третий, наименьший по своей значимости, фактор — социально-демографический (13,6%), который объединяет средний возраст населения региона и показатели (все с противоположным знаком) уровня безработицы, смертности от отравления алкоголем и заболеваемости сифилисом.

Наиболее существенным представляется выделение первых двух факторов: первый подтверждает существование поляризации в направлении Восток–Запад, а второй указывает на относительную изолированность проявления первого фактора от уровня урбанизации. Тут же укажу, что такое выделение факторов служит дополнительным подтверждением независимости рассматриваемых различий от процессов урбанизации (основным подтверждением остается параллелизм различий в показателях как для городского, так и для сельского населения различных групп регионов).

Представленные выше данные свидетельствуют о существовании исторически обусловленной дифференциации показателей социального пространства Беларуси. Однако эти данные относятся только к последнему десятилетию прошлого века, поэтому закономерен вопрос о том, наблюдались ли подобные региональные различия в более ранние периоды (в этом случае концепция *longue durée* выглядела бы более убедительно).

Возможности верификации этой гипотезы ограничены. По ряду объективных причин доступные анализу статистические данные по современным областям и районам Беларуси имеются лишь с 60-х годов прошлого века. Тем не менее социально-демографическая дифференциация в направлении Восток–Запад была известна уже в начале XX столетия. Так, известный белорусский географ Смолич указывал, что “чем дальше продвигаться на восток Беларуси, в направлении Московщины, тем смертность населения становится выше” [17]. Кроме того, Смолич и другие современные ему авторы указывали на историческую обусловленность наблюдаемых региональных различий [17].

Со второй половины XX века появилась возможность наблюдать региональные отличия на основании серийных статистических данных (реально же эта возможность начала реализовываться только в конце столетия, когда данные стали доступны исследователям). Анализируя доступные архивные данные, автор выявил, что в 1960-х годах существовали устойчивые различия между западными и восточными областями Беларуси по такому медико-социальному показателю, как число аборт (рис. 1). В дальнейшем различия по этому показателю между регионами сохранялись (то есть становились прогнозируемыми).

Наиболее интересными оказались изменения в характере регионального распределения показателя разводов (см. рис. 2–4). До начала 1970-х не существовало видимых различий по этому показателю между западными и восточными областями. Отмечу, что в этот период сравнение городской и сельской части населения соответствующих регионов также не выявило существенной дифференциации. Однако уже в 1970-х годах проявилась отчетливая тенденция к поляризации по уровню разводов между западными и восточными областями. Причем в городе она проявилась раньше (1970), а в сельской местности позднее (1979).

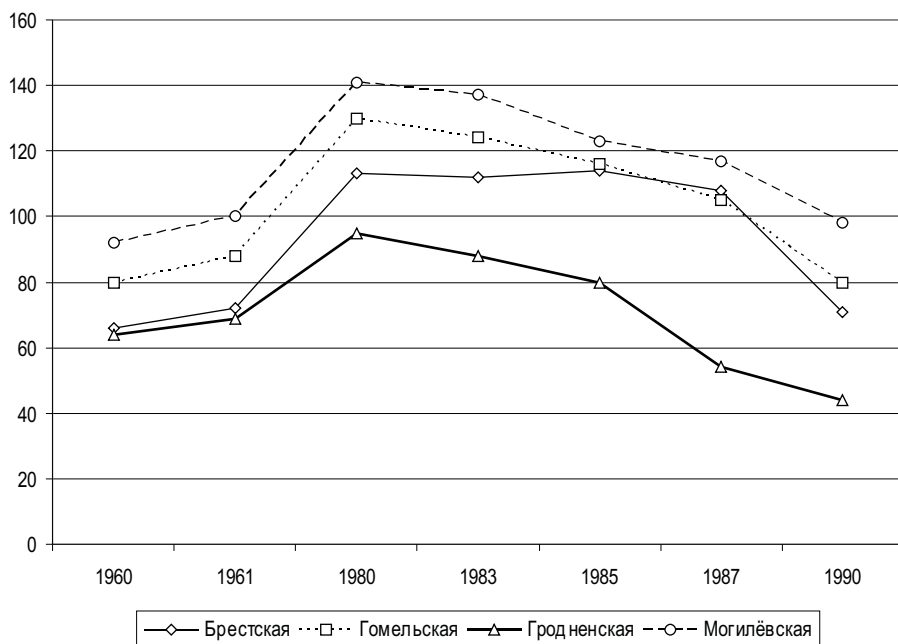

Рис. 1. Количество абортсв (на 100 родов) в западных (Брестская и Гродненская) и восточных (Гомельская и Могилевская) областях Беларуси, 1960–1990 годы

На примере динамики этого социального показателя можно наблюдать, как историческая граница 1939 года, в силу неких причин, “оживла” через 30 лет после ее ликвидации. Она проявилась в тоталитарных условиях коммунистического правления, когда об инициации процессов политической, экономической, культурной либо религиозной дифференциации регионов Беларуси не могло быть и речи.

Несомненно, региональные различия по показателю разводов не являются единственным примером воспроизведения давних границ (здесь необходимо в первую очередь обратиться к показателям электоральной статистики 1990-х), но отличительной особенностью в данном случае стал период манифестации явления. На этом примере можно наблюдать, как линия исторического деления дала о себе знать именно в советский период, спустя четверть века после ее ликвидации. Аналогичную тенденцию в 1970-х годах обнаружили и региональные показатели заболеваемости туберкулезом.

Правомерно предположить, что степень исторически обусловленной региональной дифференциации зависит от конкретных условий функционирования общества. Во времена жесткого социального контроля (период сталинизма) региональные различия, вероятно, были выражены в меньшей степени, но по мере либерализации жизни общества их проявления начинали нарастать. Апогеем их манифестации можно было считать момент проведения свободных выборов, когда “исторический капитал” реализует себя в наиболее значимых социальных формах. Однако следует учитывать особенности посттоталитарного общества, которое не может в одночасье избавиться от наследия советской эпохи.

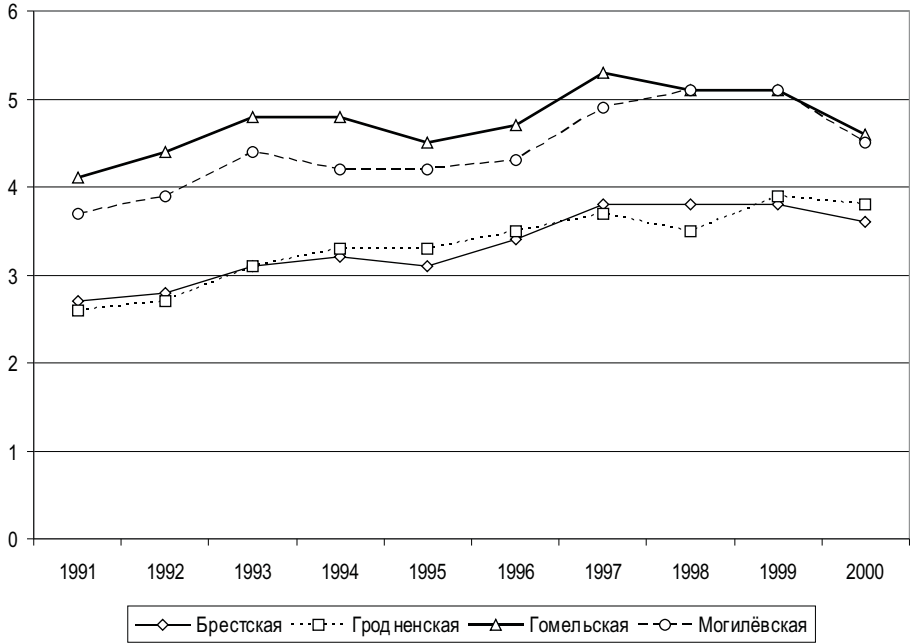

Рис. 2. Количество разводов (на 1000 населения) в западных (Брестская и Гродненская) и восточных (Гомельская и Могилевская) областях Беларуси, 1991–1998 годы

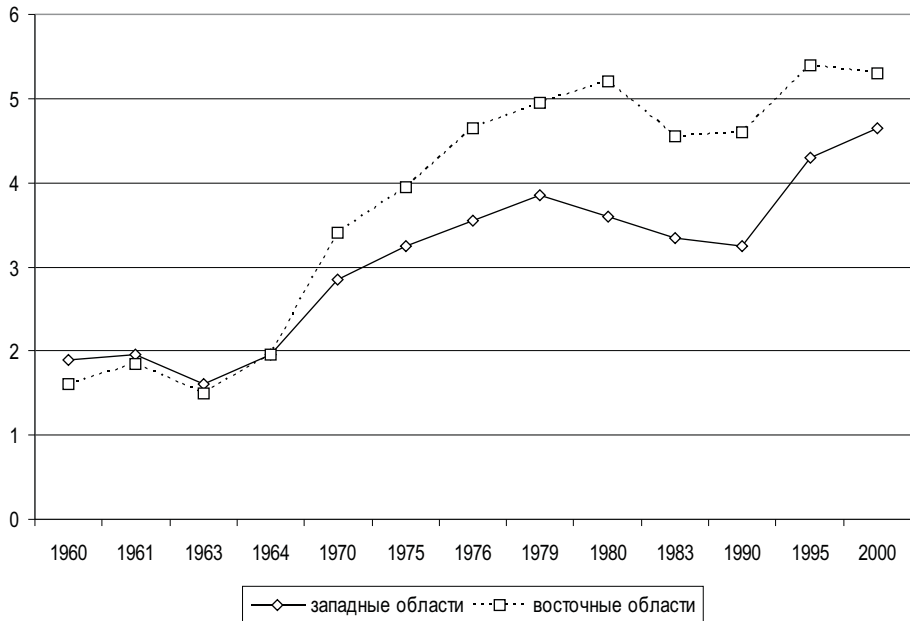

Рис. 3. Количество разводов в городской местности (на 1000 населения) в западных и восточных областях Беларуси, 1960–2000 годы

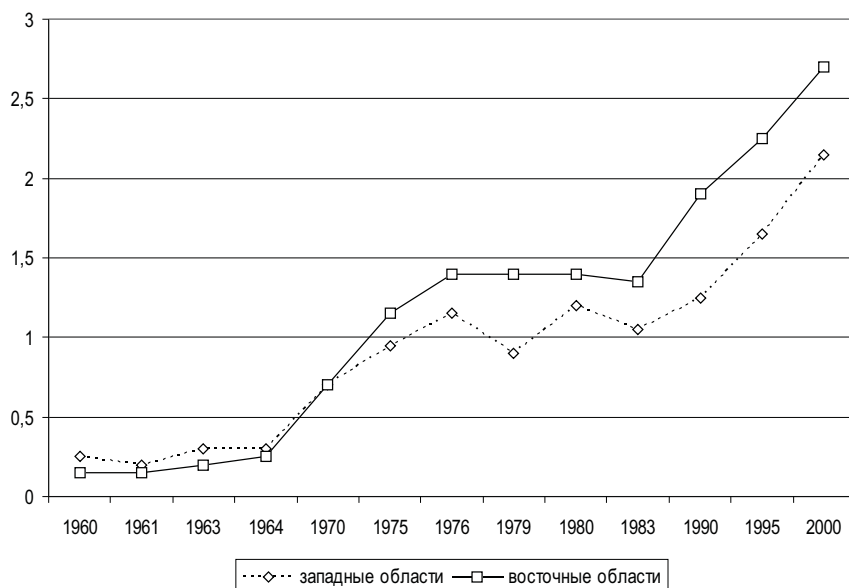

Рис. 4. Количество разводов в сельской местности (на 1000 населения) в западных и восточных областях Беларуси, 1960–2000 годы

Своеобразным индикатором исторической разнородности социального пространства западных и восточных регионов стал период 1990-х, когда в условиях социального и экономического стресса стали стремительно нарастать проявления социальной патологии. Региональная дифференциация социального пространства в этот период проявилась сразу в нескольких направлениях.

Прежде всего регистрировался рост абсолютных значений тех социальных показателей, по которым и раньше наблюдалась дифференциация. Причем их рост по регионам был почти пропорциональным, то есть без значимого изменения степени межрегиональных различий. Таким образом стресс сказывался на показателях преступности, рождения вне брака, распространенности туберкулеза. На рисунках 5–6 представлена динамика показателя рождаемости вне брака в западных и восточных регионах (разница в показателях в 1970 и 1990 годах оставалась практически двукратной).

По некоторым параметрам, таким как частота разводов, в конце 1990-х наблюдалось снижение степени межрегиональных различий (на 15–20%), а в начале нового столетия эти различия, просуществовавшие три десятилетия, практически исчезли.

Кроме того, период социального неблагополучия начала 1990-х характеризовался появлением новых, ранее не обнаруживавших себя региональных различий. Это в полной мере относится к показателю заболеваемости сифилисом по регионам Беларуси (рис. 7). Социальный стресс начала 1990-х обусловил “всплеск” уровня данного показателя, с пиком значения в 1996–1997 годах. Восточные области продемонстрировали меньшую устойчивость к воздействию неблагоприятных факторов социальной среды. Это служит еще одним доводом в пользу того, что в этих регионах существовал определенный, исторически обусловленный, социокультурный фон, который по-особому, но предсказуемым образом проявился в кризисных условиях.

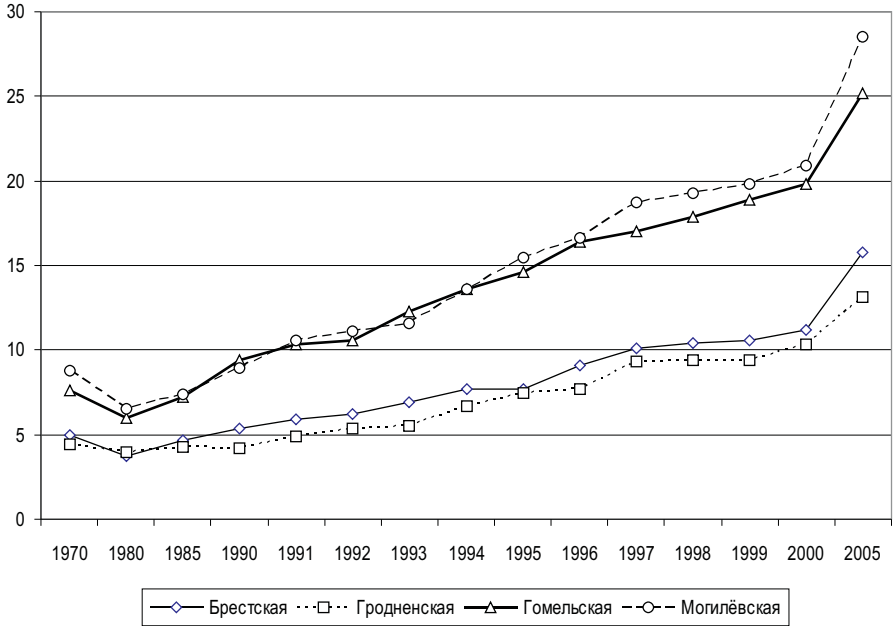

Рис. 5. Количество рожденных вне брака в городской местности западных (Брестская и Гродненская) и восточных (Гомельская и Могилевская) областей Беларуси, 1970–2005 годы, %

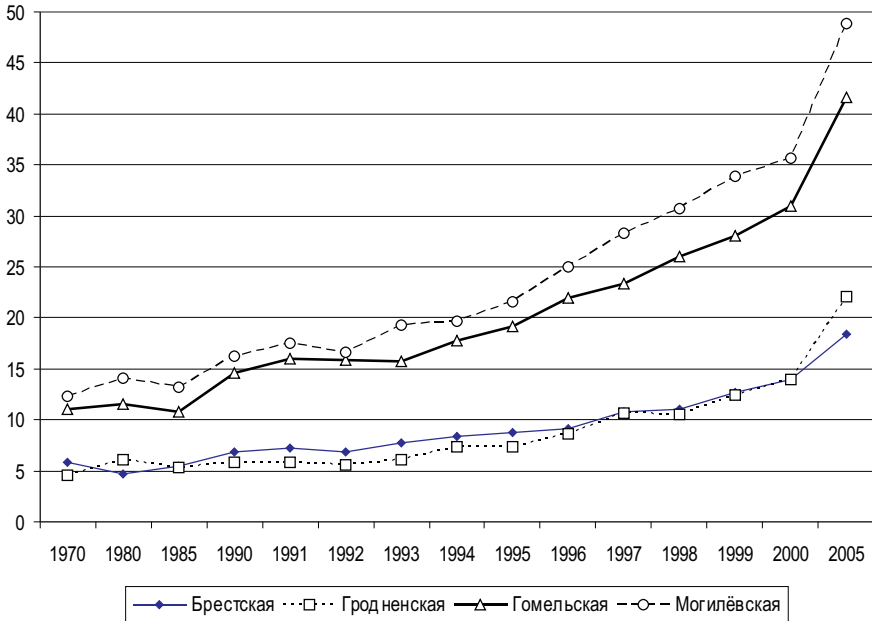

Рис. 6. Рожденные вне брака в сельской местности западных (Брестская и Гродненская) и восточных (Гомельская и Могилевская) областей Беларуси, 1970–2005 годы, %

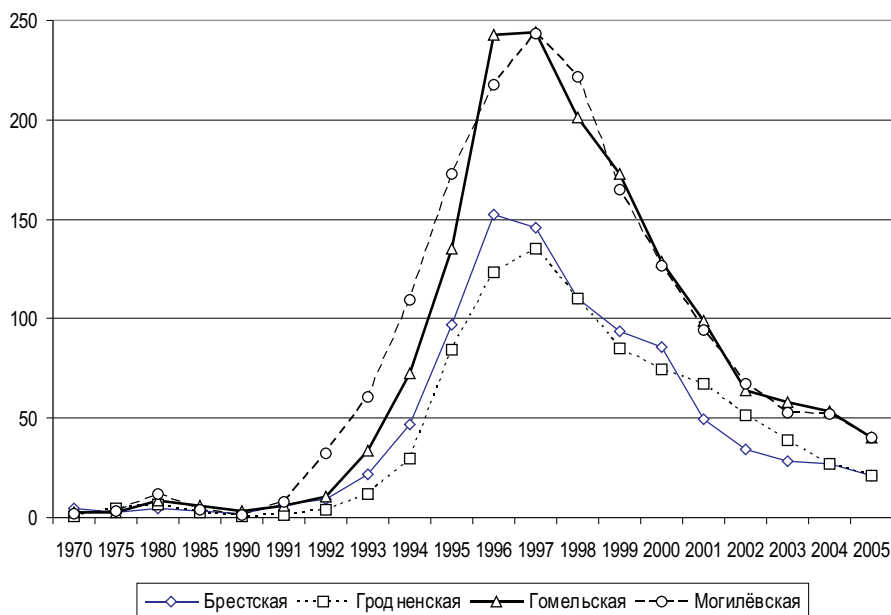

Рис. 7. Заболеваемость сифилисом (на 100 000 населения) в западных (Брестская и Гродненская) и восточных (Гомельская и Могилевская) областях Беларуси, 1970–2005 годы

К числу новых социальных явлений, свидетельствующих об относительном неблагополучии восточных областей, относятся наркомания и ВИЧ-инфекция. Однако если в западных и восточных регионах Беларуси по этим показателям только наметилась тенденция к дифференциации, то на карте Украины уже четко вырисовалась историческая зональность в распределении этих новых форм социальных болезней (см. табл. 1).

Обсуждение

Представленный анализ подтверждает “жизнестойкость” региональных особенностей социального пространства западных и восточных регионов Украины и Беларуси. Характеристики социального пространства в данной работе оценивались по степени различия ряда социальных, демографических и медико-социальных показателей. На территориях, разделенных в прошлом государственной границей, продолжают специфическим образом функционировать локальные сообщества. Локальная специфика проявляется, несмотря на длительный период унификации этих территорий в составе Российской империи, а затем СССР. Причем региональные особенности не просто сохраняются (как следствие неких культурных пережитков), а демонстрируют свою силу, находя воплощение в новых исторических формах.

Региональный сравнительный анализ позволяет проследить, как в установленных исторических и географических рамках происходит воспроизводство специфических социальных форм. В частности, степень и характер проявления этой специфики меняются в зависимости от условий исторического развития.

Возможности теоретической интерпретации рассматриваемого исторического явления довольно ограничены, хотя широта сформулированной проблемы создает поле для приложения различных социологических концепций. Так, вооружившись теоретическими разработками П.Бурдьё, можно судить о том, как в масштабе исторического развития региональных сообществ происходит процесс “регулируемой импровизации”: воспроизведение ранее заданных и раскрытие новых проявлений “габитуса” для целых регионов [7; 18].

Если предположить наличие устойчивых структур истории (в рамках очерченных сферами влияния той или иной цивилизации), то могут оказаться полезными теоретические обобщения Э.Гидденса о самоструктурирующихся структурах [19], которые создаются в ходе истории, являются действующим механизмом и задают новые формы исторического развития регионов.

Тем не менее попытка опереться на теоретический фундамент Гидденса или Бурдьё может исказить эмпирическое содержание результатов данного исследования. Более уместным представляется обращение к наследию историков школы Анналов и использование концепции *longue durée* как наиболее обобщенного способа представления действия устойчивых структур истории.

Вместе с тем в данной дискуссии можно прибегнуть к таким обобщающим и не поддающимся четкому определению понятиям, как региональная ментальность, психосоциальный статус, культурное наследие, социальный капитал и др. Есть также основания адаптировать некоторые позиции из научного наследия И.Данилевского и говорить о существовании пограничных либо переходных “культурно-исторических типах” [20].

Подобная широта в интерпретации обусловлена характером исследуемого явления. Подчеркну, что целью исследования является демонстрация устойчивости и форм проявления долгосрочного действия двух цивилизаций на территории Восточной Европы, то есть оно по своей сути является описательным. Вероятно, главное его достоинство заключается в представленном способе научной визуализации действия структур истории. Другие известные методы не могут в полной мере претендовать на достижение таких результатов (особенно, если принять во внимание ретроспективный характер исследования). Хотя в рамках одного сравнительного регионального исследования возможности оценки, а тем более построения обобщающей концепции весьма ограничены, полученные результаты могут, по крайней мере, указывать наиболее перспективные направления последующих комплексных исследований. Для этого следует очертить основные проблемы и ограничения:

1. Каков механизм устойчивости и многократного воспроизведения исторических структур, или применительно к теме данного исследования — каким способом передаются и проявляются культурные особенности и традиции, сформировавшиеся в сферах влияния разных цивилизаций?

Из возможных способов можно, в частности, назвать дискретный, когда специфические культурные признаки преимущественно передают “исключительные” носители традиции, и в способе жизнедеятельности отдельных индивидов находит воплощение культурная традиция того или иного региона. Этот способ предполагает существование констелляций признаков: например, верующий (греко-католик) — заботливый семьянин — приверже-

нец здорового образа жизни и т.д. Возможен также диффузный способ трансляции цивилизационных влияний, при котором специфические культурные характеристики распределены среди большей части населения. При этом многие индивиды определенным образом, хотя и в разной степени, связаны с передачей (и воспроизводством) культурной традиции. За счет этого обеспечивается определенная устойчивость культурной среды, в которой “иностранцы” элементы зачастую ассимилируются. Кроме того, возможно и сочетание этих двух вариантов.

Несомненно, преобладание того или иного способа зависит от исторических условий развития. Есть основания полагать, что в советское время, как и в период трансформаций, преобладал именно диффузный способ передачи культурных характеристик, а по мере стабилизации социальных институтов будет увеличиваться роль дискретного механизма трансляции. Однако это гипотеза, которая требует соответствующей разработки.

2. Можно ли выделить какую-либо доминирующую характеристику (в том числе латентную), которая обуславливает комплексное отличие западных и восточных регионов? На эту роль мог бы претендовать показатель религиозности. Особенно характерным в этом отношении может быть пример Украины.

Наличие градиента в уровне религиозности на оси Восток–Запад более чем очевидно, и некоторые подтверждения этого были представлены выше. Столь же очевидна и историческая обусловленность данного явления. Например, наибольшее деструктивное воздействие этот социальный институт испытал в советский период. Так, к 1939 году в восточной части Беларуси (в составе СССР) официально действовали только две православные общины и ни одной католической, тогда как в западной части (в составе Польши) функционировало около 600 только православных общин [21].

Не оспаривая значимости религии в процессе формирования характеристик социального пространства (в том числе учитывая ее латентное и опосредованное воздействие), следует принимать во внимание те данные, которые ставят под сомнение ее доминирование и реальное значение ее влияния на другие социальные практики. К числу таких фактов следует отнести низкую религиозность в советский период, распространенность формального отношения к вере, различия политических и социальных позиций среди представителей разных конфессий, что заставляет говорить о разных типах религиозности, и т.п.

Не исключена вероятность и того, что уровень религиозности следует рассматривать как одну из специфических региональных характеристик, которая во взаимосвязи с набором других обуславливает устойчивость форм социальной организации.

В рамках данного исследования нет возможности детально обсудить значение религии в аспекте цивилизационного развития. Без ответа остается и вопрос о степени влияния различных конфессий на процесс формирования цивилизационных отличий. Отметим, что если в восточных областях Беларуси и Украины доминирует православная церковь, то конфессиональный состав западных регионов крайне неоднороден. Так, в Гродненской области доминируют католическая и православная конфессии, в Брестской — православная и протестантская, а в западных областях Украины ведущими остаются греко-католическая и православная. Такая конфессиональная разнородность в значительной степени должна предостерегать от

поспешных выводов. Отмечу лишь наличие существенных ограничений метода, которые не позволяют перейти к этапу верификации гипотез. Далее эти ограничения будут более подробно обсуждаться на примере фактора “урбанизации”.

3. Существуют очевидные затруднения в отмежевании проявлений региональной специфики, обусловленных влиянием отдельных цивилизаций, от деструктивного воздействия советской системы. Иными словами, правомерен вопрос, в какой степени различия между восточными и западными регионами обусловлены влиянием различных цивилизаций, а в какой — различием в продолжительности и формах коммунистического правления. На западных территориях советская власть просуществовала на четверть века меньше. Причисление советской формы правления к числу исторических проявлений русской цивилизации в некоторых аспектах выглядит допустимым (как варианта авторитарного правления), однако не может быть принято безоговорочно.

4. Среди возможных причинных механизмов формирования региональных отличий особо следует выделить фактор “урбанизации” и связанную с ним трансформацию социальных устоев.

Логично предположить, что неравномерность в воздействии этого фактора может обуславливать пространственную дифференциацию целого набора социальных характеристик. В регионах, где выше уровень урбанизации и где, соответственно, доминирует промышленный сектор над сельскохозяйственным, следует ожидать появления отличий в характере функционирования тех или иных социальных институтов — локальных сообществ, системы самоуправления, религиозной деятельности и института семьи. Иначе говоря, можно предполагать, что промышленные регионы, то есть регионы с более высоким уровнем урбанизации и противoves регионам с более высокой долей сельского населения будут демонстрировать и более высокий уровень показателей социального неблагополучия, связанного с трансформацией “традиционных” норм поведения и способов организации социальной жизни. Такая позиция будет выглядеть еще более убедительной, если принять во внимание тот факт, что именно в восточных регионах Украины и Беларуси уровень урбанизации выше, чем в западных. Тогда закономерен вопрос: не явилось ли представленное выше обсуждение региональных различий на оси Восток–Запад, по сути, обсуждением различий в проявлении “болезней” индустриального общества?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо подчеркнуть существование принципиального ограничения в возможности доказать правоту той или иной гипотезы, используя лишь арсенал сравнительного анализа региональных показателей. Очевидны затруднения и с выбором какого-либо иного метода социологического исследования для верификации указанных гипотез (в первую очередь, в связи с довольно большими временными рамками рассматриваемого явления). Вероятно, как это чаще всего бывает в исторических и общественных науках, следует признать необходимость интегрального подхода в изучении явления и проведения анализа на разных системных уровнях. Однако реальные возможности, а порой и готовность к реализации комплексных междисциплинарных исследований на практике представляются весьма ограниченными.

Но несмотря на существование такого исходного ограничения, можно, основываясь лишь на возможностях метода сравнительного анализа, выска-

зять ряд положений, ставящих под сомнение значение “урбанизации” как доминирующего фактора в формировании региональных отличий между восточными и западными регионами Украины и Беларуси.

Если непосредственно обратиться к материалам исследования, то видно, что отличия на оси Восток–Запад фиксируются не только между всем населением регионов, но и отдельно между городской и сельской частью населения выделенных групп регионов. Иными словами, при сопоставлении отдельных показателей для городского и сельского населения мы всякий раз видим подтверждение того факта, что регион (в данном случае регион исторический) проявляет себя как целое, и его отличительные характеристики распространяются на все слои и группы населения [10; 13]. В работе более подробно представлен характер дифференциации показателей разводов и случаев рождения вне брака отдельно для городского и сельского населения. Однако число показателей, обнаруживающих сходный характер различий, несомненно, больше. Так, аналогичную для города и села разницу демонстрируют региональные показатели электоральной статистики, преступности, летальных отравлений алкоголем, убийств, смертности и заболеваемости, обусловленной отдельными причинами (например, туберкулеза), а также ряд других показателей, включая некоторые показатели хозяйственной деятельности.

Очевидно, что число отличий и степень их выраженности меняются в зависимости от условий развития и конкретной исторической ситуации. Примечательно, что некоторые из региональных отличий в Беларуси стали проявляться уже в 1960-х годах (частота аборт, убийств), другие — начиная с 1970-х (частота разводов, заболеваемость туберкулезом), а некоторые — только с 1990-х годов (заболеваемость венерическими болезнями, сиротство) или с начала нового столетия (ВИЧ, наркомания)¹, то есть различия возникали и сохранялись, независимо от характера, динамики и степени урбанизации регионов.

Следует задать вопрос и о возможном качественном различии аналогичных групп населения в западных и восточных регионах, поскольку как городское, так и сельское население этих регионов может быть несопоставимо по целому ряду характеристик. Так, относительно высокий процент сельского населения в регионе может влиять на характеристики городского населения. Интенсивность влияния культурных устоев села может быть обусловлена недавней массовой миграцией из села в город, тесными контактами с сельскими родственниками, хозяйственной деятельностью, ориентированной на аграрный сектор, и др. Кроме того, качественная несопоставимость групп населения может быть обусловлена наличием определенной доминирующей отрасли промышленности в регионе или различием в видах производственной деятельности (например, горнодобывающая vs hi-tech). Можно предположить и значимость таких факторов, как темп урбанизации, характер миграционных потоков, природные условия землепользования и ряда других. Иными словами, вырисовывается проблема стандартизации сравниваемых параметров, которая способна завести исследование в тупик,

¹ Для Беларуси можно лишь говорить о наметившейся тенденции к региональному делению, тогда как в Украине региональные различия в проявлении этих социальных болезней статистически значимы.

поскольку число гипотетически значимых факторов, требующих учета и выравнивания, может быть неограниченным. Более того, подобная детализация “уничтожает” сам материал исследования: вместо населения региона появляются малые группы, сравнение которых в исторической перспективе представляется более чем затруднительным. Исследователю необходимо довольствоваться определенным уровнем генерализации данных, и за пределами этого уровня исследование теряет свой смысл.

В этом же ракурсе полезными могут быть данные сравнения населения более мелких административных единиц — районов. Как было видно из материала по Минской и Витебской областям, дифференциация ряда социальных и демографических показателей более значима в направлении действия исторического фактора, а “урбанистический” фактор выделяется в самостоятельный, но уже с меньшей значимостью. Полученные данные свидетельствуют о значимости методологической проблемы выделения влияния каждого из указанных факторов. Понятно, что в практике социальных исследований добиться полной сепарации в действии разных этиологических составляющих не представляется возможным, поэтому чаще приходится обращаться к интегральной, полифакторной природе социальных показателей и явлений.

Иными словами, можно высказать предположение о том, что наряду с культурно-историческим фактором в воспроизведении устойчивых региональных отличий между Западом и Востоком свою роль играет и “урбанистический”. Значимость влияния каждого из факторов определяется лишь косвенно. Однако корректность данного предположения опять же относительна, поскольку неизменно требует ответа на вопрос о том, в какой степени исторический процесс (либо ход воздействия разных цивилизаций) мог обусловить различия в процессе урбанизации и саму его природу. Очевидно, что ускоренную урбанизацию регионов Украины и Беларуси во многом необходимо рассматривать как результат социальной инженерии советского периода. Уничтожение села — это естественный результат политики коллективизации. В своих рассуждениях я должен вернуться к предыдущему ограничению исследования, касающемуся невозможности отделить культурно-исторические влияния разных цивилизаций от деструктивного воздействия эпохи сталинизма.

Немаловажным аргументом в дискуссии является факт существования цивилизационного градиента в направлении Восток–Запад на других территориях Восточной Европы (так и на континенте в целом). Здесь в первую очередь будет интересен пример соседней Польши, где наблюдаются устойчивые различия по комплексу социальных и культурных характеристик между западными и восточными регионами “*ściana wschodnia*” [22; 23]. Не углубляясь в региональную специфику Польши, следует отметить, что цивилизационный градиент там в целом имеет ту же направленность, что и на территории Украины и Беларуси, а показатели “урбанизации” и “индустриализации” регионов ориентированы уже в другом направлении. Доля сельского населения выше в восточных регионах Польши, поэтому направленность цивилизационного градиента тут преимущественно совпадает с ростом показателя урбанизации. Отсюда многие теоретические построения о причинно-следственных связях фактора урбанизации с социокультурной региональной спецификой, которые могут быть сформулированы на приме-

ре Украины и Беларуси, требуют корректировки при попытке их приложения к конкретно-историческому материалу регионов Польши.

5. Деление социального пространства Украины и Беларуси на сферы влияния двух цивилизаций является ведущим, но не единственным историческим фактором, обуславливающим региональную специфику. В истории этих государств были и другие исторические границы, и иные “исторические травмы”, оказывающие долговременное влияние на характеристики социального пространства (одну из таких новейших биосоциальных границ на территории двух стран прочертил Чернобыль). Формы и способы взаимодействия различных исторических факторов обсуждались автором в предыдущих исследованиях [12; 24].

Указанные ограничения не только заставляют критически оценивать данные сравнительного анализа, но и определяют направленность работы по усовершенствованию методологического инструментария, стимулируют поиск новых решений. Есть все основания полагать, что дальнейшая работа в данном направлении расширит понимание интегральной сущности культуры и исторической обусловленности дифференциации характеристик социального пространства. Формы и степень этой дифференциации будут задаваться самим ходом истории, нам же предстоит работа с широким набором маркеров исторического процесса.

Литература

1. *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам. — Мінск, 1993.
2. *Huntington S.P.* *The Clash of Civilizations?* — New York, 1993.
3. *Braudel F.* *A History of civilization.* — New York, 1995.
4. *Braudel F.* *Morze śródziemne: Przestrzeń i historia, ludzie i dziedzictwo.* — Warszawa, 1994.
5. *Braudel F.* *History and the Social Sciences: The Longue Durée.* // F. Braudel (ed.). *On History.* — Chicago, 1980. — P. 25–54.
6. *Vovelle M.* *Ideologies and mentalities.* — Cambridge, 1990.
7. *Bourdieu P.* *Outline of a Theory of Practice.* — Cambridge, 1977.
8. *Barrington L.* *The geographic component of mass attitudes in Ukraine // Post-Soviet Geography and Economics.* — 1997. — Vol. 38 (10). — P. 601–614.
9. *Birch S.* *Interpreting the regional effect in Ukrainian Politics // Europe-Asia studies.* — 2000. — Vol. 52 (6). — P. 1017–1041.
10. *Barrington L.W., Herron E.S.* *One Ukraine or Many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // Nationalities Papers.* — 2004. — Vol. 32 (1). — P. 53–86.
11. *Kandrichin S.V., Lester D.* *Suicide in the Ukraine // Crisis.* — 2002. — 23. — P. 32–33.
12. *Kandrychyn S.* *Podziały historyczne a zróżnicowanie przestrzeni społecznej Białorusi (praca doktorska).* — Warszawa, 2007.
13. *DeBardleben J., Galkin A.* *Electoral behaviour and attitudes in Russia: Do regions make a difference or do regions just differ? // P.Stavrakis, J.DeBardleben, L.Black (eds.) Beyond the Monolith: the Emergence of Regionalism in Post-Sviet Russia.* — Baltimore, 1997. — P. 57–80.
14. *Салій І.М.* *Урбанізація в Україні: Соціальний та управлінський аспекти.* — К., 2005.
15. *Чепелевская Л.А.* *Медико-социальный анализ смертности населения Украины // Лікарська справа.* — 1995. — № 3–4. — С. 182–187.

16. *Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. — Princeton, 1993.
17. *Смолич А.* Геаграфія Беларусі. — Мінск, 1993.
18. *Бурдые П.* Практический смысл. — СПб., 2001.
19. *Giddens A.* Central problems in social theory. — London, 1979.
20. *Данилевский И.Я.* Россия и Европа. — М., 1991.
21. *Грыцкевіч А.* Канфесіі на Беларусі // П. Брыгадзін (рэд.). Беларусазнаўства: навучальны дапаможнік. — Мінск, 1998. — С. 170–209.
22. *Bartkowski J.* Tradycja i polityka: Wpływ tradycji kulturowych polskich regionów na współczesne zachowania społeczne i polityczne. — Warszawa, 2003.
23. *Kowalski M.* Polaryzacja zachowań wyborczych w Polsce jako rezultat cywilizacyjnego rozdarcia kraju // M. Kowalskiego (red.). Przestrzeń wyborcza Polski. — Warszawa, 2003. — S. 11–48.
24. *Кандрывын С.* Нататкі да сацыяльна-дэмаграфічнага раянавання Беларусі // Грамадзянская альтэрнатыва. — 1999. — № 6. — С. 27–41.